

ОБ АВТОРЕ. Николай Созонтович Алешинцев родился в 1950 году в деревне Анисимово Великоустюгского района. Закончил Великоустюгский сельскохозяйственный техникум. Всю энергию и знания отдает селу, родной земле – работает ли он егерем, управляющим отделением, председателем колхоза или директором совхоза. Долгое время – глава администрации сельского поселения Орловское. Стихи и рассказы печатались в районной газете «Советская мысль», в коллективных сборниках великоустюгских авторов «Откройся, мир!» и «Стихи и песни о Великом Устюге», в областном литературном журнале «ЛАД Вологодский», в областной газете «Красный Север», в издательстве «Охотничья библиотечка». Автор книги стихов и рассказов «Час за закатом» (Великий Устюг, 2005 г.).

Взгляд. Николай Алешинцев о прошлом, настоящем и будущем русского крестьянина

Страда крестьянская

И кто только не пинал во все времена простого безропотного крестьянина: и татарский хан, и помещики-крепостники, и ученики Ленина, почему-то ненавидевшие крестьянство, а он выжил.

СТРАДА. Так точно и емко мог назвать крестьянские будни только человек, сильный умом и сердцем. Страда – от слова «страдать». Страдать, чтобы выжить. Это всегда был, в первую очередь, крестьянский крест.

Наши матери и отцы и сейчас могли бы провести ликбез о том, как жить и не умереть с голоду, когда ничего нет. Какие блюда можно приготовить из сныти, мха и клеверных головок. Как дожить до весны, до тех спасительных проталин, на которых появятся пистики (полевой хвощ), щавель и, возможно, найдется клубень мороженой картошки. Как жить, когда получение весточки с фронта превращается в изнуряющую и беспощадную боль. Плакала Богородица! Беззвучно рыдали, надрывая душу, земные милье дочери ее, а те, кто мог бы утешить и защитить, сами сгорали в безмерном котле войны.

Мне, знающему от «а» до «я» алфавит крестьянской страды, не удается избавиться от давящих своей тяжестью воспоминаний. Не дают мне возможности заниматься славословием триста граммов муки, выданные в военные годы моему старшему брату и моей бабушке за пастырь овец в течение всего лета! Изнуренная голодом женщина, увидев их в руках внука, обрадовалась: «Вот добавим мучки-то в лепешки из клевера, вон какие вкусные будут». Люди всех стран! Посчитайте, пока ваши дети гоняют по дороге буханку хлеба, какова ее истинная цена. Может, тогда у вас возникнет потребность найти теплые слова для тех, кто растит хлеб.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА. ...Ночь, темень, грязь. Девочка, за угловатыми плечиками которой нет и десяти лет, схватившись за мамкин сарафан, пробирается на ферму. Фонарь вечером оставили на работе – бригадир велел беречь керосин. Хочется спать, но кто тогда поможет мамке на ферме? Она едва на ногах держится от голода. От травы да мха какие силы! Только живот пучит.

А днем к ним придет бригадир и, словно споткнувшись о нищету, о провалившиеся, окаймленные черным мамкины глаза, все-таки попросит сходить на сенокос. «Это не тяжело. Только валки посушить». Самого себя стыдясь, выскочит комиссированный по ранению мужик на улицу, утирая скомканым картузом ненужные при его должности слезы.

...Вот и ферма. Зажгла фонарь, по-бабы подоткнула платышико, косынку подвязала и, схватив ведро, пошла к оглядывающемуся, мыкающему стаду. Стадо не завод – не бросишь. Не забастуешь. Терпели. Поревешь вместе с коровами над скучным кормом, а заодно и над своей судьбой, начальство поругаешь, а привыкшие руки делают работу, не останавливаются.

Так она ходила тридцать лет. Золушка, никогда не ставшая принцессой. Кормилица и спасительница изуродованнойвойной страны.

Послушалась как-то материальной сестры и уехала в город. И чуть с ума не сошла: день и ночь коровы перед глазами, а когда узнала, что брат Венька запил, а заболевшая мать не в силах даже дров принести, едва не замерзла на русской печи – бросилась обратно в деревню. И больше никуда ни ногой.

Всегда в передовых была, а вот медальки не дали. Да и Бог с ней. Руки вот к ноче болят, пальцы кривиться стали, а так быть можно. На праздник вот пригласили. Свету-то сколько зря жгут...

АНГЕЛЫ И ПРОРОКИ. Нет, не по ошибке и болтливости я посвятил скучную газетную колонку судьбе одной из миллионов сельских жительниц. Чтобы иметь право о них говорить, надо на определенном отрезке жизни нести вместе с ними один крест.

И тогда станет ясно, что пришла пора поднять с колен русскую деревню, русское поле. Возвращение долгов даже при капитализме – святое дело. Почему мы, расплачиваясь по долгам за американскую свинину, позволяем себе не расплачиваться перед своим народом?

Неужели снова надо напоминать о тех, кто трудом своим, ратному сродни, поднимал страну после страшной войны. О женщинах, что в котомоках несли семена с Ядрихи или Лузы, а это пятьдесят, восемьдесят, а то и вся сотня километров. О пацанах и мужиках-инвалидах, везущих на конных санях и телегах солярку. О материах, отдающих голодному ребенку свою клеверную лепешку. Бескрылые ангелы, усталые и бескорыстные спасители России. Довольны ли души ваши, по праву безгрешности поднявшиеся, тем, что видите на вашей земле? И не стыдно ли сейчас многочисленным пророкам всеобщего счастья нестись, спрятавшись за тонированными стеклами иномарок, мимо заброшенных в мирное время полей?

Отношение к родной земле – это всегда понятие нравственное, духовное. Или без-

нравственное и бездуховное – как сейчас.

Мне выпала честь работать с механизаторами «Северодвинца», такими как Борис Федорович Рогозкин и Федор Алексеевич Чечулинский, с Анатолием Александровичем Уваровым с «Первомайского». С мужиками бригады Томашева и с такими отзывчивыми, трудолюбивыми людьми, как Осколков Николай и Сумароков Сергей из бывшего «Орловца». Я еще знал доярок и телятниц, бригадиров и специалистов, которые выше домашнего благополучия ставили благополучие на порученном им участке работы.

Им бы чуть-чуть подсобить – и не грустило бы по семенам святое поле Руси. Имея горький опыт отношения к крестьянским проблемам и при царе Горюхе, и при правителях других званий, я уверен, что в соответствующих кабинетах никто еще даже не посчитал дебет и кредит от благополучия деревни.

Господь, как известно, создал землю на благо всего живого и немало возмутился бы, узнав, что какой-то Иван Никифорович сделал ее источником личной наживы, перепродавая и беря взятки.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ. Земля – величина консервативная, она любит неторопливого и мудрого мужика и еще труд, не считаясь с постановлениями о рабочем дне и неделе. Напряженный, потому что в любой момент, как незаслуженное проклятье, обрушатся дожди – и все прахом. Трудно понять, то ли дождевые капли, то ли слезы вытирает пропитанной солярой рукой механизатор, уходя от ставшего беспомощным комбайна. Горечь и бессилие, как после проигранного боя.

Прогоняет уставшего комбайнера начальник управления сельского хозяйства Геннадий Николаевич Колпаков. И рвется комбайн по погубленному дождями полю, вырывая у дождливой осени трудный хлеб 1978-го года. Где-где, а в нашем районе давно пора учредить знак имени Геннадия Николаевича Колпакова, которым награждать ежегодно людей, верно служащих аграрному делу; назвать его, к примеру, «За честь и трудолюбие». Мы все еще ищем национальную идею, ищем примеры честного служения Отечеству. Там ли ищем?

Сквозь годы вижу я, как неторопливо идет по хлебному полю Павел Алексеевич Остроумов, что-то говорит своим идущим рядом специалистам Березнякову Петру Владимировичу, Тарраканову Владимиру Андреевичу, тогда еще совсем молодым. Силами, в том числе и этой троицы, совхоз «Красный Север»

«Скот не завод – не бросишь. Не забастуешь. Терпели. Поревешь вместе с коровами над скучным кормом, а заодно и над своей судьбой, начальство поругаешь, а привыкшие руки делают работу, не останавливаются.

«Бескрылые ангелы, усталые и бескорыстные спасители России. Довольны ли души ваши, по праву безгрешности поднявшиеся, тем, что видите на вашей земле?

стал одним из лучших не только в районе, но и в области. В трудные для села времена подхватил эстафету Медведчиков Геннадий Иванович, человек отзывчивый и совестный, быстро освоивший труд руководителя. Успехи совхоза «Красавино» всегда будут связаны с именами Филатова Александра Васильевича, Поточкина Николая Ивановича, Василия Васильевича Синицына.

Жизнь положил на алтарь служения сельчанам Нежданов Николай Васильевич, директор совхоза «Строитель коммунизма».

До сих пор взрывается сердце Николая Ивановича Шарыпова, защищающего интересы теплогорского населения.

Неутомимы и деятельны в своем вечном стремлении улучшить жизнь земляков Ивонинский Николай Иннокентьевич, Ерофеев Валентин Николаевич.

Жители Усть-Алексеева, надеюсь, не забыли строгого, но справедливого Игоря Михайловича Амосова.

Ежегодно на свои праздники как почетного гостя приглашают работники «Сельхозхимии» Анатолия Серафимовича Чуркина, заботой и усилиями которого с нуля был построен поселок со всеми социальными объектами в совершенно немыслимый по краткости срок.

Кое-кто считает, что раньше работать руководителем было проще. Нет. Без ранимого сердца, без стремления к намеченной цели, без труда и бессонных ночей, без связей, в конце концов, без умения вести за собой

коллектив ничего бы не получилось.

Мужество этих и других, не названных мной, руководителей оценивается не тем, что при особых обстоятельствах им приходилось и бандитов в лесах ловить, и успокаивать простым дедовским способом издавящегося над семьей перепившего мужика, и, не боясь ружейной пальбы, ножа и угроз, защищать не принадлежащие им хлеба, и бороться с пожарами и воровскими привычками набранных от беды «бичей». Нет. Их мужество оценивается в большей мере тем, что, однажды встав на эту, не предусматривающую благодарности стезю страды, они упрямо и терпеливо шли по ней ради идущих рядом.

СЕГОДНЯ. В области сельского хозяйства мы имеем бесконечные декларации. И этим пока обозначается роль государства. Создается впечатление, что настоящего времени, применимого к селу, не существует. Сплошное будущее: будем, сделаем, поможем. Еще одно поколение под эти обещания родилось. И это поколение вынуждено констатировать факт, что отношение к сельскому хозяйству как к основному двигателю развития других отраслей не находит понимания власти. Нет понимания и того, что многие социальные проблемы, такие как безработица, повышение жизненного уровня граждан, решались бы проще. Наша земля обеспечивает работой и деньгами массу китайцев. Так наша ли это земля?

Думано ли, что можно создать в богатейшей стране мира такие условия, при которых на селение будет вспоминать нищету и жесткость послевоенных лет как тяжелое, но более честное и доброе время. То, раненое государство сумело сдержать бесплатное образование, бесплатную медицину, превратилось в единую стройплощадку, а директоров совхозов ругали за недостаточное снабжение молоком детсадов.

Создавалось впечатление, что были какие-то могучие дети, выпивающие молока больше, чем весили сами. Зато сейчас, при этой цене, в которой, кстати, большую часть занимает не оплата дояркам и механизаторам, а стоимость упаковки, его сразу стало хватать. ...Когда уберется хлеб, соберутся скромные герои сельской «передовой» на праздник. Когда грянет в их честь музыка, а высокие начальники будут говорить хорошие слова, освободится от каждодневных хлопот крестьянская душа и, робея, посетит ее чувство собственной значимости, сознание нужности труда, которому посвящена жизнь.